

ИСТОРИЯ

УДК 94(57)“16/18”

О. В. Семенов

ИСТОРИЯ ДЕМЬЯНСКОГО ЯМА В XVII В.: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Рассматривается драматический период существования Демьянского яма. В отечественной историографии проблема возникновения и функционирования Демьянского яма в эпоху Позднего Средневековья остается слабоизученной. Между тем его значение трудно переоценить. Расположенный на правом берегу Иртыша в 260 верстах от Тобольска, он на протяжении всего XVII в. вместе с соседним Самаровским ямом играл роль связующего звена между отдельными частями края, пункта, через который проходил основной поток людей и грузов, направлявшихся в Центральную и Восточную Сибирь и обратно.

К л ю ч е в ы е с л о в а: древние населенные пункты Руси, Демьянский ям, поселения профессиональных ямщиков.

Среди исследователей нет единства по вопросу о времени основания Демьянского яма. Еще «отцом сибирской истории» Г. Ф. Миллером было выдвинуто до сих встречающееся в литературе предположение, что это могло произойти в 1637 г. [см.: Миллер, 97; Слобцов, 101; Щеглов, 70]. По мнению П. Н. Буцинского, профессиональные ямщики на территории бывших владений остяцкого кн. Демьяна обустроились еще в 1635 г. [Буцинский, 120; см. также: Лопарев, 9; Никитин, 89; Самаровский край, 18]. Свою версию событий выдвинул А. Т. Шашков. Ученый обратил внимание на содержащиеся в переписной книге Л. М. Поскочина 1683 г. указания ряда ямщиков (Ю. М. Лыткина, А. Л. Карлина и М. В. Мухина) на то, будто каждый из них «в Сибирь пришел и живет на Самаровском яму» с 1632/33 г. [Шашков, 2004, 77, 79, 81]. Поэтому исследователь не исключал возможности появления еще в начале 1630-х гг. царского указа о приборе «охочих людей» для поселения у Самаровых гор и на устье р. Демьянки. Впрочем, вследствие своей малочисленности

ямщики так и не смогли решить проблему профессиональной гоньбы в крае, что потребовало дальнейших правительственных мероприятий [см.: Шашков, 2005, 7]. Предположение историка заслуживает серьезного внимания. Так, в одной из отписок тобольских воевод ст. кн. М. М. Темкина-Ростовского «с товарищи» (1635) подчеркивалось, что Ф. А. Скрябин прибирал «охотников» «на сибирской ям в н о в ь» (здесь и далее в цитатах разрядка наша. — О. С.) [РГА-ДА, ф. 214, оп. 3, стб. 61, л. 413]. Известно, что слово «вновь» имело несколько значений и могло употребляться в смысле «снова», «опять» [Словарь русского языка, 243]. Кроме того, в 1653/54 г. в стенах Сибирского приказа была составлена выписка, в которой пересказывались основные положения указа 1635 г. об учреждении Демьянского и Самаровского ямов. В том месте, где речь шла о необходимости наделения «новоприборных» «охотников» денежным и натуральным жалованьем, неизбежность последнего объяснялась тем, что «н а п е р е д т о г о» велено было на те ямы ямщиков прибрать в Тоболску и Тоболского разряду в городех, а землю им под пашню велено отделить около ямских слобод» [Там же, стб. 593, л. 92]. Не может ли все это служить еще одним аргументом в пользу того, что попытки Москвы учредить в середине 1630-х гг. в Нижнем Прииртышье профессиональную ямскую гоньбу не были первыми?

Известно, что в Прииртышье обязанность транспортировки казенных грузов и следовавших по государственной необходимости лиц первоначально ложилась на плечи аборигенного населения. Однако в первой половине 1630-х гг. жители 15 ясачных волостей Тобольского, Сургутского и Березовского уездов подали ряд коллективных челобитных, в которых подчеркивали, что «им от ямские гоньбы самая большая нужда». Поэтому инородцы просили «по тем дорогам, по которым они гонбу гоняют, устроить ямы». Взамен же освобождения их от несения подводной повинности челобитчики обязывались ясак и поминки уплачивать «сполна» [см.: Там же, стб. 448, л. 89—90]. Невзирая на всю заманчивость предложения, в Москве прекрасно осознавали, с какими сложностями (в первую очередь материального характера) придется столкнуться при его реализации. Поэтому окончательное решение было принято только после «роспросов» сибирских воевод и служилых людей. Наконец, в начале 1635 г. вышел царский указ. В соответствии с ним «на сибирской дороге меж Тоболска и Сургута» предполагалось устроить два яма — один в Демьянской волости Тобольского уезда, а другой «в Сургуцком уезде под Самаровыми горами». В XVII в. сибирских администраторов от их коллег по европейской части страны отличала большая широта полномочий, в том числе и в области ямского дела. Поэтому именно тобольским властям вменялось в обязанность «высмотреть гораздо и сметить накрепко» (в том числе посредством опроса «тутошних ясачных людей»), пригодны ли выбранные места для поселения, имеются ли вблизи них земли под пашни и сенные покосы и будут ли ямы между собою «ровны», чтобы «ни в которую сторону лишние гоньбы не было». Все вопросы по обустройству прибранных ямщиков также возлагались на плечи разрядных воевод [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 147—149]. Что касается аборигенов, то предписывалось впредь их от гоньбы освободить. Впрочем, и в дальнейшем, на протяжении всего

XVII в., в случае необходимости коренное население края все же продолжало привлекаться к отправлению подводной повинности.

В отличие от вопросов обустройства, решение задачи по набору ямщиков центральные власти взяли целиком на себя. В 1635 г. в Поморье из приказа Казанского дворца были отправлены дети боярские Ф. А. Скрыбин и И. И. Погожий. Каждому из них поручалось «прибирати из волных изо всяких охочих людей в Сибирь... в ямские охотники пятьдесят человек з женами и з детми, семьянистых людей, от отцов детей и от братьи братью, и от дядь племянников, и захребетников». При этом добровольцам «для сибирского подъему» предоставлялась 5-рублевая «подмога» на человека с «крепкою порукою» (из доходов тех городов, в которых осуществлялся набор), бесплатные подводы до места назначения и по 3 лошади с необходимой «гонимой рухлядью» [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 61, л. 249; Гурлянд, 1900б, 180; Вигилев, 39; Шашков, 2007, 46].

Не совсем понятно, учитывалось ли во время набора «охочих людей», «которых городов» из них «на которой ям устроить». В последующем самаровцы, добиваясь облегчения своего положения, указывали на факт их поселения не на том месте. Так, в 1647/48 г. ямщики И. Прялицын «с товарищи» заявили о том, что И. И. Погожий и Ф. А. Скрыбин верстали добровольцев в ямскую службу «не выбором, кому на котором яму быть. А потому они, демьянские охотники, на Демьянской ям устроены, что привезены в Тоболеск прежде их» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 990, л. 144]. Более того, в поданной 30 сентября 1649 г. разрядным властям челобитной самаровцы уже прямо утверждали, будто Погожий «прибирал их на Руси... на Демьянской ям» [Там же, стб. 448, л. 141]. В свою очередь, демьянские ямщики доказывали обратное [см.: Там же, стб. 990, л. 144, 147].

Первым с ответственным заданием справился Ф. А. Скрыбин. Он довольно быстро сумел «прибрать» в Вологде, Тотьме и Великом Устюге необходимых добровольцев (14, 13 и 23 человека соответственно)¹, и уже 17 марта 1635 г. «пошел с ними в Сибирь» [Там же, стб. 61, л. 249]. Впрочем, в пути будущие насельники Демьянского яма столкнулись с серьезными трудностями. Так, в Кайгородке из 101 необходимой подводы под ними сменили только 13. Исследователями уже было отмечено, что в XVII в. конфликты между населением Перми Великой и близлежащих территорий по поводу отправления «мирских отпусков» носили хронический характер [см., например: Богословский, 117; Гурлянд, 1900а, 5]. Неудивительно, что и на этот раз кайгородцы объясняли отсутствие средств передвижения тем, будто чердынцы и вятчане «по четвертой год» не давали им «ямских денег» (первые по 100 рублей, вторые по 117 рублей ежегодно), а усольцы «в Кайгородке з денгами и подводами на яму не стояли» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 170, л. 5–6]. Что касается местных лошадей, то все они «вышли к Соли Камской под государевою казною и под воиво-

¹ По всей видимости, первоначально предполагалось, что Скрыбин также будет набирать «охочих людей» в Яренске и на Выми. Однако этого не произошло [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 990, л. 151].

дами, и под головами писмянными». Ситуацию усугубляло то, что тогда же из европейской части страны для пополнения гарнизонов сибирских городов «з женами и з детми и с оружием» двигался значительный воинский контингент. Проявлять излишнюю настойчивость в требовании недостающих подвод было делом опасным, поскольку незадолго до приезда «новоприборных ямских охотников» именно тяжесть гоньбы спровоцировала вооруженное выступление кайгородских посадских людей и крестьян против направлявшихся в Сибирь каргопольских и устюжских стрельцов [Александров, 65–67]. Все это объясняет, почему Ф. А. Скрыбин предпочел побыстрее убраться из беспокойного города.

По пути от Кайгородка до Соликамска ямщики подверглись новым испытаниям. Остро нуждаясь в средствах передвижения, они были вынуждены «ямские усталые подводы» закладывать крестьянам и даже брать у них «сильно» свежих лошадей. По прибытии в Соликамск ситуация не претерпела изменений в лучшую сторону. К сожалению, остаются не до конца понятными подробности происходивших там событий. Так, по результатам сыска К. О. Супонева и подьячего А. Ильина (начало 1636), в Соликамске Ф. А. Скрыбин сумел получить всего лишь 25 подвод, которые «за чердынскую долю» предоставил находившийся здесь целовальник А. Ременников [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 170, л. 18, 34]. Между тем из отписки воеводы З. Г. Шишкина (от 10 июня 1635) следовало, будто все отпущенные под ямщиками лошади были кайгородскими и сольвычегодскими, тогда как чердынцы не дали ничего. Что касается усольцев, то «за свою долю» они сумели выделить подводы (да и то не целиком) лишь стрельцам, ехавшим в Сибирь одновременно с «новоприборными» «охотниками». Вся их помощь демьянцам ограничилась выплатой 39 рублей «на корм» для «проводных» лошадей [см.: Там же, стб. 61, л. 420].

Только 10 апреля ямщики покинули Соликамск. По дороге к Верхотурью, по-видимому, вследствие начавшейся весенней распутицы они свои запасы и «борошен весь подмочили». При этом многие лошади «на речке, на Чикмане, и на Ляле перетонули, а иные подводы на Косвенском на камене... в снегу померли». Столь отчаянное положение повлекло за собой массовые злоупотребления: в частности, у попадавшихся им навстречу усольских посадских людей и крестьян Ф. А. Скрыбин «отнимал лошади силно», причем в последующем некоторые из них с Верхотурья так и не вернулись. Более того, бесчинства демьянцев доходили до откровенного грабежа, в результате которого проезжающие лишились вещей и денег на сумму, в общей сложности превышавшую 11 рублей [см.: Там же, стб. 170, л. 18, 34, 37, 40].

Невзирая на все трудности, путники сравнительно быстро достигли основной перевалочной базы на пути из Европейской России в Сибирь и уже 22 апреля оказались в Верхотурье². Однако здесь они были вынуждены задержаться, что побудило Ф. А. Скрыбина отправить в Москву отписку. В ней «приборщик» обвинял местные власти в нежелании предоставить ямщикам необходимые подводы. Впрочем, позже, во время следствия К. О. Супонева и А. Ильи-

² По зимнему пути Бабиновскую дорогу обычно преодолевали за 6 – 8 дней [см.: Бахрушин, 106].

на, выяснилось, что основной причиной простоя были вовсе не козни воеводы И. Ф. Еропкина, а невозможность приобрести необходимый в дорогу провиант, поскольку Верхотурье — «место пустое, харчу и иных запасов купити и не добыти» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 170, л. 42, 45, 50, 52–53, 56, 60]. Лишь не раньше чем через неделю демьянцы покинули город. При этом если под Скрыбина было выделено «особное» судно, то «новоприборные» ямщики разместились на государевых «хлебных запасных» судах.

Наконец, 24 мая 1635 г. Ф. А. Скрыбин добрался до Тобольска. Передав разрядным властям «новоприборных ямских охотников, пятьдесят человек сполна», «приборщик» 13 июня был отпущен в Москву. Что касается ямщиков, то все они, по-видимому, сразу же были отправлены в Демьянскую волость «для розсмотру мест под слободу и под пашни и под сенные покосы» в сопровождении «добрых» детей боярских [Там же, стб. 61, л. 413]. Интересно, что на месте «стройщик» должен был разобраться в том, пригодны ли «высмотренные» еще предшествующим тобольским воеводой кн. А. А. Голицыным места «к ямскому строенью». В случае положительного решения ямщикам следовало «дворами своими строитца тотчас» [Там же, стб. 990, л. 152]. В литературе встречается неверное утверждение, будто Демьянский ям стал реально функционировать с 1637 г. [см.: Вершинин, 58]. Если летние месяцы 1635 г. ушли на обустройство ямщиков, то в действительности уже в 1635/36 г. они приступили к гоньбе [см.: Там же, л. 131].

Первые годы существования русского населенного пункта в низовьях Иртыша стали для его населения временем серьезных испытаний. Демьянский ям был устроен на 50 паев, что являлось общей для Сибири нормой. При этом по своему социальному положению ямские охотники ближе всего находились к приборным служилым людям. За отправление гоньбы они получали государево денежное и хлебное жалованье в размере 20 рублей, 20 четей ржи и 20 четей овса на каждую выть [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 149]. Впрочем, в целях экономии уже в указе об учреждении яма подчеркивалась необходимость того, чтобы выплата натурального обеспечения носила временный характер, «покаместа они [ямщики] свой яровой и ржаной хлеб сожнут». В то же время в Москве не могли не понимать всю степень разнообразия природно-климатических условий края. Поэтому в том же указе не исключалась возможность выплаты ямщикам хлебного жалованья «ежегод без переводу сполна» в случае, если пашни будет «устроить зачем немощно» [Там же, стб. 593, л. 109]. Тем не менее, как показали события последующих лет, данная установка во многом носила чисто декларативный характер.

Уже вскоре после основания Демьянского яма стала очевидной невозможность сокращения казенных расходов на его содержание. По каким-то причинам ямщики так и не смогли получить всех необходимых для пашен и сенных покосов земель. Не улучшилась ситуация и со сбором ясака в границах Тобольского, Березовского и Сургутского уездов, на что так рассчитывало правительство при учреждении профессиональной гоньбы [см. об этом: Шашков, 2005, 8]. Отмеченные обстоятельства побудили Москву в конце 1639 г. принять решение о ликвидации Демьянского и Самаровского ямов. Их население

следовало переписать и перевести в Томский уезд в пашенные крестьяне, а гоньбу вновь целиком возложить на аборигенов, сократив при этом в два раза размеры уплачиваемого ими ясака [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 3–5; Миллер, 541–542].

Отношение демьянцев и самаровцев к угрозе ликвидации ямов было противоречивым. Так, прибывшие в начале 1640 г. в Москву «по их же челобитью о церковном строенье» ямщики С. Т. Ерш «с товарищи» просили «пожаловать, для томского подъема и новые дворовые селитьбы велети им в Томском дать льготы». В ответ тобольским властям царской грамотой (от 18 мая 1640 г.) вменялось в обязанность объявить насельникам обоих ямов о том, что после перевода в пашенные крестьяне все они на год будут освобождены от несения тягла [см.: Миллер, 542]. Нельзя исключать того, челобитчики могли отпра- виться в Москву еще до получения известия о намерении центральных властей ликвидировать русские населенные пункты в низовьях Иртыша и уже в столице попытались облегчить свою, как казалось, неминуемую участь. Впрочем, инициатива ямских представителей не нашла поддержки у «миров». Не случайно в 1640/41 г. демьянцы и самаровцы подали очередную челобитную, в которой отмечали, что уже прочно осели на новых местах и в случае переезда ямщикам некому будет продать дворы и остальное имущество, отчего «им-де в том заводе до конца разоритца и в Томской город совсем им поднятца будет нельзя». Поэтому «охотники» соглашались «ямскую гоньбу гонять» за одно денежное жалованье, а вместо хлебного обрабатывать пашни, «где они сами приищут» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 6–7]. Коллективную челобитную «за своими знамены» составили также аборигены 25 волостей Тобольского, Сургутского и Березовского уездов. Иностранцы просили сохранить профессиональную ямскую гоньбу в крае. Взамен они обещали «ясака и поминки платить полной оклад по-прежнему», а также предоставить ямским охотникам под пашню территории из их «ясачных пашенных земель и из угодей, а те земли укажут они, ясачные люди» [Там же, л. 33–34, 92]. Не вполне доверяя челобитчикам, Москва обратилась за помощью к хорошо знакомой с местными условиями разрядной администрации. Тобольским властям царской грамотой (1640/41 г.) вменялось в обязанность «о демьянском и о самаровском ямском строенье... розсмотреть» и отписать, «будет ли вперед прочно и стоятельно» сохранить оба яма на условиях службы ямщиков «с пашни ис тутошних ясачных земель и из угодей» и можно ли при этом ожидать от аборигенов уплаты ясака и поминков в полном объеме [см.: Там же, стб. 593, л. 93]. Воеводы кн. П. И. Пронский «с товарищи», которые прекрасно понимали, что ликвидация ямов не только ударит по эффективности сообщения Тобольска с севером и востоком Сибири, но также приведет к ухудшению положения иностранцев, с ревностью приступили к выполнению правительственного предписания. К тому же в условиях и без того крайне слабой заселенности края им попросту было невыгодно терять столь многочисленную группу насельников. В ходе личных встреч с аборигенной верхушкой, а также с «лутчими» представителями ямщиков озвученные ими в своих челобитных обязательства были подтверждены. Одновременно аборигены выразили готовность полностью обеспечить (хотя и в «розных мес-

тах») демьянцев и самаровцев всеми необходимыми пашнями и санными покосами, согласившись передать им любую территорию, «опричь своих распашных мягких земель» [РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 93–96]. После того как в 1641/42 г. тобольская администрация сообщила о результатах проведенного расследования в Москву, правительство приняло решение о сохранении ямов.

Интересно, что и на этот раз власти попытались поставить население ямов в равные между собой условия. По распоряжению кн. П. И. Пронского «демьянским и самаровским ямским охотником выборным лутчим людем» предписывалось «быть: демьянским на Самаровском яму, а самаровским на Демьянском яму, переменяся в год по человеку, и ведать тем выборным людем ямские отпуски на обеих ямах заодно, чтоб про то, сколько на котором яму в котором году ямских охотников и почему куды подводы отпущены будут, вперед для счоту на обеих ямах было ведомо, и по счоту б на тех ямах ямская гонба была равна, а лишка б и ссоры меж тех ямов в ямской гонбе не было» [Там же, стб. 593, л. 94–95]. Трудно сказать, насколько была реализована задуманная мера. В любом случае она оказалась нежизнеспособной. Поэтому на протяжении последующих десятилетий постоянные тяжбы «о счоте в лишних гонбных подводах» будут отравлять отношения между насельниками обоих ямов.

На первый взгляд может показаться, местные власти быстро справились с проблемой поиска необходимых для ямщиков земель. Во всяком случае, демьянцев уже в 1641/42 г. полностью лишили натурального обеспечения [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 448, л. 121; стб. 990, л. 131]. В 1642/43 г. тобольские воеводы кн. П. И. Пронский «с товарищи» сообщали в Москву, что к этому времени им в Демьянской, Уватской и Назымской волостях из «пустых порозжих земель» были отведены 366 десятин «без чети» пашни и на 3950 копен санные покосы [Там же, стб. 593, л. 95–96]. К сожалению, нам остаются неизвестными имена дозорщиков. Нельзя исключать того, что это могли быть тобольский письменный голова С. У. Баскаков и подьячий Е. Кособоров. Во всяком случае, на это указывает ряд косвенных данных [см.: Там же, стб. 448, л. 12, 32]. Любопытно, что позже отмеченные дозорщики приобрели печальную известность своими злоупотреблениями в отношении соседних самаровских ямщиков. В связи с этим становится понятно, почему в действительности демьянцев наделили не всеми полагавшимися им землями. Так, в 1651 г. они жаловались на то, что «пашни у них с оклады нет, — пашут в поле по десятине, а в дву потому ж, и те росчищают на горном лесу, а которые де их пашни на niskих местах, и те их пашни топит водою» [Там же, л. 121–122]. Три года спустя демьянцы отмечали, что, если «с нови на тех местех хлеб родился», то «по нынешные годы» он расти не стал, оттого что те места «выпахались, а навозом возить удалело». Все это вынуждало их покупать в Тобольске хлеб «дорогою ценою» [Там же, стб. 593, л. 90]. Проблема продовольственного обеспечения оставалась актуальной для насельников Демьянского яма на протяжении всех последующих десятилетий XVII в., вызывая с их стороны неоднократные просьбы о возобновлении выплаты хлебного жалованья [см.: РГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 593, л. 79, 90; стб. 990, л. 134–135].

Таким образом, история возникновения и первых лет существования русского населенного пункта на устье р. Демьянки наполнена особым драматизмом. На протяжении нескольких лет в Москве решали вопрос о его дальнейшей судьбе. При этом именно позиция более искушенных в оценке местных реалий воеводских властей побудила руководство Сибирского приказа принять решение о сохранении яма.

Александров В. А. Народное движение в Кайгородке в середине 30-х годов XVII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973.

Бахрушин С. В. Пути за Урал в XVI — XVII вв. // Бахрушин С. В. Науч. тр. Т. 3, ч. 1. М., 1955.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. М., 1912.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

Вершинин Е. В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004.

Вигилев А. Н. История отечественной почты. Ч. 2. М., 1979.

Гурлянд И. Я. К вопросу об источнике и времени происхождения ямской гоньбы в Древней Руси. Ярославль, 1900а.

Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900б.

Лопарев Х. М. Самарово — село Тобольской губернии и округа : хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб, 1896.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2. М., 2000.

Никитин Н. И. Освоение Сибири в XVII веке. М., 1990.

РГАДА. Ф. 214 (Сибирский приказ).

Самаровский край: история Ханты-Мансийского района. Тюмень, 2003.

Словарь русского языка IX — XVII вв. Вып. 2. М., 1975.

Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995.

Шашков А. Т. Проезжая через Самарово : из прошлого столицы Югорского края // Родина. 2007. № 10.

Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004.

Шашков А. Т. Самаровский ям: как возникла будущая столица Югры // Родина. 2005. № 12.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири, 1032—1882 гг. Сургут, 1993.

*Статья публикуется впервые.
Дата поступления в редакцию 24.12.2008 г.*